

О вкладе Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформаций: социальные механизмы и проблема актора

Аннотация

В статье делается попытка обобщить и систематизировать вклад академика Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформационных процессов. В центре внимания — категория “социальный механизм трансформационного процесса”, ее основные черты и познавательные возможности, а также основные блоки и связи оригинальной деятельностно-структурной концепции социального механизма трансформационного процесса. Показывается, что концепция Т.И.Заславской, будучи привязанной к объяснению закономерностей реальных общественных изменений, вооружает будущих исследователей действенными и актуальными теоретико-методологическими средствами для дальнейших исследовательских поисков и продвижений.

Ключевые слова: *социальный механизм трансформационного процесса, социальная трансформация, трансформационная активность, трансформационное поведение, социально-трансформационная структура, акторы трансформационного процесса, деятельностно-структурный подход*

Академик Татьяна Ивановна Заславская не нуждается в особом представлении. Ее имя хорошо известно всем поколениям экономистов и социологов — как самым старшим, так и самым молодым, как в России, так и за рубежом. Т.И.Заславская — один из ведущих ученых-обществоведов России, крупнейший специалист в области социологии и экономики, основатель Новосибирской экономико-социологической школы, оказавшей существенное воздействие на развитие российской социологии. Ее труды на протяжении уже нескольких десятилетий пользуются редким научным признанием и влиянием, получая высокую оценку как в России, так и за рубежом.

Как известно, в центре внимания Т.И.Заславской всегда находились очень сложные и актуальные проблемы экономики и общества, требующие системного осмысления. Отвечая на вызовы со стороны *практики*, она постоянно расширяла и усложняла предмет своих научных поисков: от изучения экономических проблем распределения по труду в колхозах в 1950-е годы и миграции сельского населения в 1960-х она в 1970-х годах переходит к *системному* изучению социально-экономической жизни отдельных территориальных единиц, структур и секторов (сельских поселений, районов, областей, аграрного сектора). А затем — к *социальному механизму* функционирования и развития экономики (в 1980-х) и социальному механизму *трансформации общества в целом* (в 1990-х), включая социальные механизмы становления новых социальных практик, в том числе неправовых (в 2000-х). Цель данной статьи — попытаться осмыслить и по возможности систематизировать вклад Т.И.Заславской в познание посткоммунистических *трансформационных* процессов, причем преимущественно в той части, которая связана с обоснованием и развитием “*механизменной*” перспективы анализа.

Но прежде не могу не отметить, что в западной социологии и социальной философии в последние 10–15 лет наблюдается не только возрождение, но и активное усиление интереса к теоретизированию, основанному на *социальных механизмах* (см. напр.: [Hedström, Swedberg, 1996; Mahoney, 2001; Mayntz, 2004; Sawyer, 2004; Steel, 2004; Anderson, Blatt, Christianson, Grant, Marquis, Neuman, Sonenshein, Sutcliffe, 2006; Weber, 2007; Gross, 2009; Hedström, Ylikoski, 2010; Aakvaag, 2013; Kaidesoja, 2013; Mason, Easton, Lenney, 2013]). Он стимулируется неудовлетворенностью объяснительными возможностями научных подходов, основанных как на общих законах общественного развития, так и на сугубо корреляционном анализе эмпирических данных. Не случайно в дискуссиях вокруг социальных механизмов доминируют вопросы, возникающие в собственно *теории познания*: как соотносится методология социальных механизмов с принципом методологического индивидуализма, с традициями прагматизма, критического реализма и др.; акторов какого уровня следует принимать во внимание в анализе социальных механизмов; нужно ли включать в эту категорию стартовые условия и результаты реализации механизма; какие виды социальных механизмов “открывают” различные авторы и почему, и как эти механизмы соотносятся друг с другом; и т.п. Ведутся активные дискуссии и относительно определения понятия “социальный механизм” — до сих пор оно остается очень расплывчатым и неясным: неполный перечень насчитывает 24 определения в формулировках 21 автора [Mahoney, 2001: p. 579–580; Mayntz, 2004: p. 239]. Концепция социальных механизмов Т.И.Заславской выросла не столько из противоречий и несоответствий в *теории познания* (хотя и этот путь, разумеется, правомерен), сколько из потребности разработать методологические средства действенного и актуального *эмпирического* анализа *конкретных болевых проблем экономики и общества*. Но, будучи рожденной под воздействием вызовов со стороны *практики*, эта концепция позволяет прояснить и ряд *теоретико-методологических* вопросов, поднимаемых сегодня в философии и социологии науки в отношении социальных механизмов.

Социальный механизм трансформационного процесса: общая характеристика

Категория “социальный механизм” стала центральной в исследованиях Т.И.Заславской еще в конце 1970-х — начале 1980-х годов — применительно к функционированию и развитию социалистической экономики. Ее коллеги и ученики использовали эту методологию в познании частных подсистем и процессов, и со временем категория “социальный механизм развития экономики” (СМРЭ) стала “визитной карточкой” Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ). Под *социальным механизмом развития экономики* понималась “устойчивая система поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг; система, регулируемая, с одной стороны, социальными институтами данного общества (партией, государством, хозяйственным механизмом, институтами культуры и идеологии), с другой — социально-экономическим положением и сознанием самих этих групп” [Заславская, 1983; Заславская, 1985: с. 23–24; Zaslavskaya, 1989: p. 158–184; Заславская, Рывкина, 1991: с. 59–61; Заславская, 1997: с. 12–13].

В 1990-е годы Т.И.Заславская применяет механизменную методологию к анализу трансформирующегося общества в целом — сначала это механизм *социально-экономической* трансформации общества [Заславская, 1995; Заславская, 2002: с. 152–170], а затем — социальный механизм трансформации посткоммунистических обществ как *социетальный* процесс [Заславская, 1999: с. 149–167; Заславская, 2002: с. 184–204, 445–468; Заславская, 2002а: с. 3–16]. Под *социальным механизмом трансформационного процесса* она понимает устойчивую систему взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней (индивидов, организаций и групп), которая регулируется, с одной стороны, базовыми институтами общества (правилами игры), а с другой — интересами и возможностями игроков (социальным статусом, культурными особенностями и др.) и способствует фундаментальному изменению общественного устройства [Заславская, 2002: с. 199; Заславская, 2004: с. 199, 200–201].

Идея механизмов социальных процессов базируется на предположении о том, что совокупность определяющих эти процессы явлений, факторов и зависимостей образует некий *целостный* феномен (замкнутый контур связей [Заславская, 1985: с. 24]), исследование устройства которого позволяет глубже разобраться в изучаемых закономерностях [Заславская, 2004: с. 199]. К основным чертам социальных механизмов Т.И.Заславская относит: их способность регулировать общественные процессы, что “объясняется особой значимостью, силой и устойчивостью тех социальных связей, которые обуславливают их системность”; относительно высокую инерционность, связанную с сосуществованием в механизмах элементов, принадлежащих прошлому и настоящему, а также одновременное присутствие в механизмах феноменов, как развивающихся естественно-историческим, спонтанным путем, так и сознательно создаваемых [Заславская, 2004: с. 199–200].

Можно предположить, что именно теоретизирование, основанное на *механизменном* подходе, помогло Т.И.Заславской быстро и безошибочно определиться с типом преобразовательного процесса, происходящего в России, по крайней мере, с середины 1990-х годов. По ее мнению, суть этого про-

цесса (который в то время в науке называли по-разному: революцией, радикальными реформами, переходом, — и осмысливали на основе различных теорий развития: общественных формаций, модернизации, неомодернизации и др.) наиболее адекватно выражается понятием *социальная трансформация общества*. К главным отличительным особенностям этого процесса она относит:

- 1) постепенность и относительно мирный характер протекания;
- 2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а существенных черт, определяющих социетальный тип общества;
- 3) принципиальную зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп;
- 4) слабую управляемость процесса, важную роль стихийных факторов его развития, *непредрешенность* его итогов;
- 5) неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых [Заславская, 2002: с. 445–446; Заславская, 2004: с. 197].

Поскольку в ходе социальной трансформации, в конечном счете, меняется социетальный тип общества, она предстает как более сложный процесс, чем целевое *реформирование* обществ, предполагающее сохранение их типологической идентичности. Более сложны и многообразны механизмы и движущие силы социальных трансформаций и в сравнении с социальными *переходами (транзитами)* с известным “пунктом назначения” и под руководством общепризнанных лидеров [Заславская, 2002: с. 190]. “Метафорически переход можно сравнить с переправой через спокойно текущую реку, когда видно желательное место причала и есть нужные плавучие средства. Управление же трансформационным процессом сходно с движением лодки по неизвестной реке, богатой водоворотами и перекатами. В таких условиях направление движения практически не зависит от кормчего, а его главная задача — не дать лодке перевернуться, минимизировать удары и потери и, в конце концов, пристать к какому-то берегу” [Заславская, 2004: с. 196].

Новые горизонты научного познания, которые открывает применение категории *социального механизма трансформационных процессов*, связаны с возможностью представить процесс общественных преобразований, по существу, определяющий судьбы трансформирующихся социумов, как некоторую *целостность*, все элементы которой взаимосвязаны и взаимозависимы. В результате удастся осмысливать особенности и перспективы трансформационного процесса на новом уровне глубины, определяя, каким образом социальные действия, совершаемые акторами на *микроуровне*, меняют *макрохарактеристики* общества, и как изменение этих характеристик, в свою очередь, воздействует на жизнь и деятельность этих акторов. Кроме того, использование этого понятия позволяет ставить вопрос о разных типах и социальном качестве механизмов, регулирующих преобразовательные процессы в разных обществах [Заславская, 2002: с. 193, 204; Заславская, 2004: с. 212].

О вкладе Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформаций

Для того чтобы категория “социальный механизм трансформационного процесса” могла выполнять предписанную ей роль, она органично вплетается в более широкий аналитический каркас, включающий, наряду с собственно механизменным, и другие блоки (результативный, субъектный и др.), а также прямые и обратные связи между ними и их элементами. Т.И.Заславская разрабатывает оригинальную деятельностно-структурную концепцию трансформационного процесса, основные элементы и связи которой представляет в аналитической схеме социального механизма (см. рис.) [Заславская, 2004: с. 202].

Подробную характеристику основных блоков и связей заинтересованный читатель может найти в ряде работ (напр.: [Заславская, 2002: с. 193–203; Заславская, 2004: с. 200–210]). Их обоснованию и осмыслению посвящены несколько монографий и многие статьи Т.И.Заславской. Коротко отмечу, что блок А (“Социетальное качество общества”), отражающий важнейшие характеристики трансформирующихся обществ как целостных систем, именуется *социетальным*, или *результативным*. Блок Б (“Массовые трансформационные процессы, изменение *социальных практик*”), на входе в который находятся *действия акторов разных уровней*, а на выходе — *макрохарактеристики общества* и который “скрывает в себе тайну” преобразования индивидуальных и групповых социальных действий в *макропроцессы*, назван *переходным*. Блок В (“Трансформационная активность общества”), составляющий “сердце” изучаемого механизма, именуется *деятельностным*, или *собственно механизмом*. Он характеризует взаимосвязанные виды трансформационной активности социальных акторов разных уровней и типов и показывает, *каким образом* изменяются социальные практики общества. Наконец, блок Г (“Социально-трансформационная структура общества”) назван *субъектным*, так как он отражает состав и взаимосвязи *макросубъектов* трансформационных процессов и отвечает на вопрос о том, *какие культурно-политические силы* в конечном счете “несут ответственность” за изменение социетального типа общества. Функционирование социального механизма обеспечивается прямыми и обратными связями между его блоками и их элементами. *Прямые* связи между блоками (связи 1–8) дополняются *обратными* (связи 9–12), что придает социальному механизму относительную замкнутость, отражающую его воспроизводственный характер.

Это краткое перечисление основных блоков и связей помогает систематизировать вклад Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформаций, особенно в той его части, которая связана с реализацией механизменной методологии. Не претендуя на полноту (собираюсь в данном направлении продолжить работу), назову, на мой взгляд, определяющие положения.

1. Существенное обогащение понятийного аппарата и инструментов познания посткоммунистических трансформаций. К числу базовых можно отнести такие понятия, как: “социальная трансформация”, “социальный механизм трансформации общества”, “социально-трансформационная структура общества”, “трансформационная активность”, “инновационно-реформа-

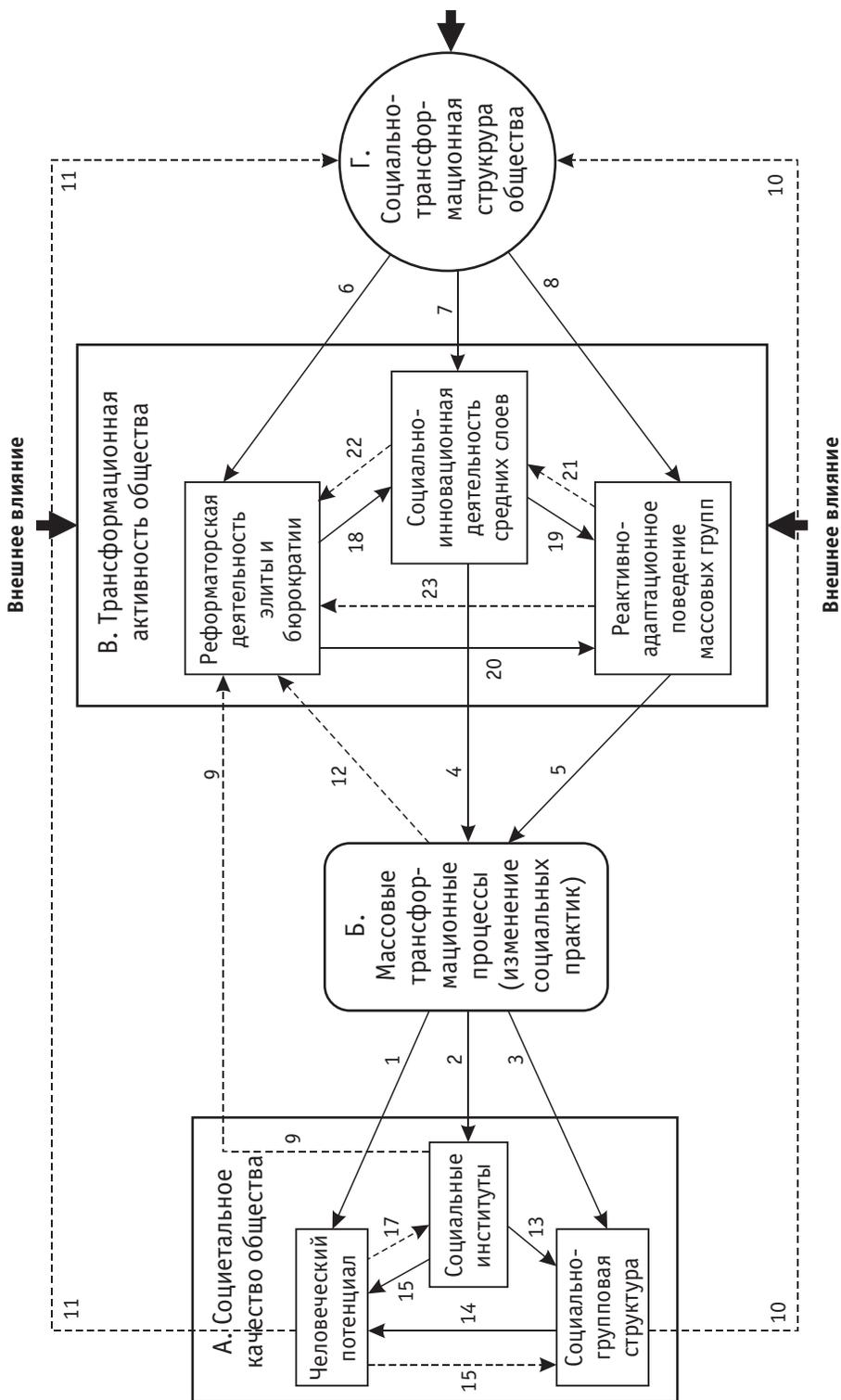

Рис. Социальный механизм трансформационного процесса (аналитическая схема). Источник: [Заславская, 2004: с. 202].

торский потенциал общества”, типы акторов и уровни трансформационного процесса.

2. Обоснование критериев оценки *хода* и *результатов* трансформационного процесса на основе конструирования *трехмерного* пространства посткоммунистических трансформаций, включающего важнейшие макрохарактеристики обществ: институциональную систему, социальную (социально-групповую) структуру и человеческий потенциал, а также *связи* между ними. Обоснование состава *институтов*, играющих ключевую роль в определении *социетального* типа трансформирующегося общества (блок А).

3. Введение в научный оборот понятия “*трансформационная структура общества*”, обоснование познавательного потенциала этого понятия с точки зрения отражения специфического *социетального* качества общества — его способности и готовности к саморазвитию (блок Г). Разделение в аналитической схеме стратификационной и трансформационной структур общества. Разработка методологических подходов к изучению трансформационной структуры на основе выделения двух относительно независимых, но одинаково важных проекций — *вертикальной* (социально-иерархической) и *горизонтальной* (культурно-политической) — и их последующего пересечения. Это позволяет строить более сложную и объемную модель трансформационной структуры, точнее оценивать ресурсы макросубъектов (основных движущих сил трансформации), уровень их консолидации, социальной укорененности, а следовательно, и роль в трансформационном процессе (напр.: [Заславская, 1998; Заславская, 2004: с. 272–275; 2007: с. 292–312]).

4. Разработка понятия “трансформационная активность” и типологии трансформационного поведения, органически увязывающей изменения на разных уровнях трансформационного процесса (макро, мезо и микро). Оценка поведенческих стратегий одновременно и с точки зрения их функций по отношению к *акторам*, и с учетом их последствий для *общества* позволяет более надежно судить о социальной эффективности трансформации. В результате выделено 8 функциональных типов трансформационного поведения: 1) достигательные стратегии конструктивного типа, 2) достигательные стратегии деструктивного типа, 3) достигательные стратегии, неоднозначно влияющие на трансформацию общества, 4) конструктивные адаптационные стратегии, 5) деструктивные адаптационные стратегии, 6) неоднозначные адаптационные стратегии, 7) регрессивные поведенческие стратегии, 8) разрушительные, агрессивные стратегии (напр.: [Заславская, 2004: с. 202–239, 246–255]).

5. Приложение механизменной методологии к анализу *частных* (по сравнению с обществом в целом) трансформационных процессов; иллюстрация продуктивности ее конкретизации (“заземления”) на примере одного из самых “болевых” трансформационных процессов, характерных для современной России — распространения и институционализации *неправовых социальных практик* [Заславская, 2004: с. 256–263; Заславская, Шабанова, 2004; 2003; 2003а; 2002; 2002а; 2001].

6. Разработка теоретико-методологических и методических основ, а также проведение крупномасштабных эмпирических исследований различных *элементов* и *связей* аналитической схемы трансформационного процесса. Изучение представителей разных слоев как потенциальных и реальных

акторов современного трансформационного процесса и оценка на этой основе инновационно-реформаторского потенциала разных слоев [Заславская, 1999: с. 149–167; 2001: с. 18–31; 2002: с. 455–464, 494–503; 2004: с. 285–306; 2011: с. 13–25]. Эти работы, судя по ссылкам в научной литературе, на протяжении многих лет вызывают большой интерес и дают импульс дальнейшим научным поискам в разных направлениях: идет ли речь о социальной структуре и стратификации российского общества [Заславская, 2002, с. 258–400, 453–467; Заславская, 1999: с. 149–167; Заславская, Рывкина, 1991: с. 228–257], о его бизнес-слое [Заславская, 2002: с. 334–358; Заславская, 1995а], средних слоях [Заславская, 2002: с. 468–494; Заславская, Громова, 1998], функциональных типах адаптационного поведения [Заславская, 2002: с. 511–515; 2000: с. 13–19] или же человеческом потенциале общества [Заславская, 2005; 2007: с. 348–387; 2011] и т.п.

7. Проведение мониторинга качественного состава и деятельностных характеристик *нового поколения деловых людей* России как потенциальной модернизационной общности на основе взаимосвязанного осмысления субъектно-деятельностных и институциональных аспектов трансформационного процесса [Заславская, Шабанова, 2012а, 2012б; Заславская, 2011; Заславская, Крылатых, Шабанова, 2007; Заславская, 2006; Заславская, 2005а].

8. Оценка возможных и вероятных вариантов развития России на основе деятельностно-структурной концепции социального механизма трансформационного процесса, принимающей во внимание взаимосвязь и относительную автономность разных уровней социальной реальности, интересы и ресурсы акторов разных уровней [Заславская, 2004: с. 381–399; 2007: с. 292–312].

9. Разработка оригинальной *аналитической схемы* социального механизма трансформации, которая имеет *самостоятельное инструментальное* значение. Она помогает увидеть “белые пятна” в исследованиях отдельных блоков и связей; исследования частных блоков и связей предстают как часть целого, что способствует активизации актуальных исследований в рамках *данного* общества, в частности на *междисциплинарной* основе. Кроме того, схема облегчает проведение *сравнительных* исследований трансформационных процессов в *разных* посткоммунистических обществах; позволяет выявлять различия в “социальном качестве механизмов, регулирующих преобразовательные процессы в разных обществах”. Тем более что последние “различаются не столько составом элементов и связей (большинство из которых носит “сквозной” характер), сколько их конкретным национальным “наполнением”, содержанием, качеством, эффективностью” [Заславская, 2002: с. 204; 2004: с. 211]. В результате не только исследования трансформационных процессов в *данном* обществе, но и их международные сравнения обретают “более системный и целенаправленный характер” [Заславская, 2004: с. 212].

10. Прояснение ряда эпистемологических вопросов, обсуждаемых сегодня в аналитической социологии и философии науки в отношении категории “*социальный механизм*”. В основе — деятельностно-структурная концепция трансформационного процесса, базирующаяся на прочном *эмпирическом* базисе, постоянном и тесном соотношении теории с эмпирией (теория — средство для исследования эмпирии, эмпирия — средство проверки правильности теории).

Рамки статьи не позволяют подробно остановиться на каждом из обозначенных положений. Остановлюсь на трех, требующих дополнительных пояснений, по крайней мере, в том виде, как я их сформулировала выше.

Оценка хода и результатов трансформационного процесса: обоснование критериев

До сих пор в научном сообществе нет согласия в отношении критериев, с помощью которых следует оценивать ход и итоги посткоммунистических трансформаций. Одни на первый план выдвигают те или иные *институциональные* сдвиги (экономические, политические, правовые), другие — сдвиги в системе *социальных неравенств*, третьи — в уровне и качестве *человеческого потенциала* общества, включая изменения в ценностных ориентациях и моделях поведения, и др. Отсутствие *системных* разработок в этой области проявляется в большом разбросе оценок и легком проникновении в них политико-идеологических “корректировок” и манипуляций. Так, об успехах реформ чаще говорят те, кто делает акценты на институциональных сдвигах и игнорирует неблагоприятные тенденции в социально-групповой структуре и качестве человеческого потенциала. Негативные же оценки, напротив, чаще раздаются со стороны тех, кто акцентирует социальные критерии, но не принимает во внимание становление новых общественных институтов и социальных практик [Заславская, 2004: с. 107–108].

В концепции Т.И.Заславской пространство посткоммунистических трансформаций одновременно включает *три* важнейших макрохарактеристики обществ: институциональную систему, социальную (социально-групповую) структуру и человеческий потенциал, а также связи между ними (блок А). В результате системный результат преобразований в каждый момент времени базируется на взаимосвязанном анализе динамики трех обобщающих индикаторов: эффективности *институциональных систем*, качества *социальных структур* и уровня *человеческого потенциала* [Заславская, 2004: с. 106–109; 102–105]. Автор подчеркивает, что изменение *институтов*, будучи важным результатом социетальных трансформаций, не является их самоцелью, а выступает скорее *внешним* проявлением трансформаций, *инструментом* достижения более глубинных конечных целей. Среди последних — изменения в *социально-групповой* структуре общества: сдвиги в системе социальных неравенств, появление новых общественных групп и др. [Заславская, 2004: с. 103–104], словом — менее доступные внешнему управлению процессы, являющиеся следствием преобразования базовых институтов. Однако наиболее глубокие и долгосрочные результаты трансформационных процессов связываются с изменением *человеческого потенциала*: “повышение или снижение этого потенциала служит самым фундаментальным критерием того, ведут ли осуществляемые преобразования к расцвету и обновлению общества или вызывают его упадок и деградацию” [Заславская, 2004: с. 104–105]. Детальному осмыслению каждой координатной оси этой трехгранной призмы, внутри которой перемещаются посткоммунистические общества, посвящен целый ряд работ Т.И.Заславской [Заславская, 1999; 2005; 2004: с. 111–187; 2007: с. 317–387 и др.].

Особая заслуга Т.И.Заславской, на мой взгляд, состоит и в обосновании состава важнейших институтов, включаемых в поле зрения при определе-

нии *социетального типа* того или иного общества. Наряду с *качеством* двух *общепризнанных* базовых институтов, какими являются *власть* (степень ее демократичности, легитимности, эффективности) и *собственность* (структура, развитость, легитимность, защищенность), крайне важно учитывать развитость двух других (“не общепринятых”) институтов. Это, во-первых, многообразие и зрелость структур *гражданского общества* и, во-вторых, широта и надежность *прав и свобод человека* [Заславская, 2002: с. 446; 2004: с. 120]. В самом деле, одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества гражданского общества и прав человека. Можно, например, формально демократизировать власть или быстро либерализировать отношения собственности, но сделать это за счет ущемления реальных прав большинства граждан — на основе правил игры, унаследованных от прежней административно-командной системы [Заславская, 2004: с. 121].

Включение этих институтов в результативный блок имеет важное значение не только для оценки хода и итогов трансформации. Оно помогает осмыслить и неоднозначность характера связи между базовыми институтами и экономическим ростом. Так, в недавнем исследовании В.М.Полтерович и В.В.Попов показали, что характер влияния демократизации на экономический рост *зависит от условий, в которых она осуществляется*: стимулируя экономический рост в условиях достаточно высокого уровня *правопорядка* (если индекс коррупции выше 6,65), в условиях слабого правопорядка она отрицательно сказывается на этом росте. Опираясь на классификацию посткоммунистических стран по среднему индексу политических прав в 1998–2000 годах, рассчитываемому Freedom House, они показали, что “частично свободные” страны (Россия, Украина, Хорватия, Киргизия, Молдова) испытали более глубокое сокращение производства и более сильный рост социального неравенства по сравнению как со “свободными” (Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения), так и с “несвободными” странами (Белоруссия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан). Иными словами, быстрое введение демократии в авторитарных странах со *слабым* правопорядком может быть сопряжено со множеством отрицательных экономических и социальных последствий [Полтерович, Попов, 2007].

Концепция Т.И.Заславской дает основания полагать, что, хотя общее направление *социетального* преобразования России определилось, вопрос о возможном *типе* рыночных отношений и *степени* демократичности политического строя остается открытым. Варианты трансформации могут значительно различаться соотношением разных начал: стихийного или управляемого, правового или неправового, рыночного или административно-перераспределительного, демократического или авторитарного и др.

Трансформационная структура и движущие силы социальной трансформации

Обогащение понятийного аппарата и инструментов познания социальных трансформаций на основе разработки и обоснования нового понятия — “трансформационная структура общества” (блок Г) представляется важной методологической находкой, позволяющей существенно расширить возмож-

ности научного осмысления механизмов и траектории современного трансформационного процесса [Заславская, 2002: с. 193–204, 445–465]. Этим понятием обозначается система социальных макросубъектов, взаимодействие (сотрудничество, конкуренция, борьба) которых служит движущей силой социального преобразования общества [Заславская, 2002: с. 519; 2004: с. 267]. Потребность в изучении этой структуры порождается стремлением понять, какие социальные силы — осознанно или неосознанно — содействуют модернизации общественного устройства или его стагнации и деградации, каковы их интересы и внутренняя структура, какими ресурсами они располагают и как добиваются своих целей [Заславская, 2004: с. 208].

Дело в том, что для понимания социального механизма, движущихся сил и перспектив общественных перемен недостаточно знать *стратификационную* структуру общества. Трансформационная структура формируется под влиянием не только социальной стратификации, но и *социально-политической* и *культурной* дифференциации, которая отражает различия в мотивации и содержательной направленности трансформационной активности субъектов [Заславская, 2002: с. 452]. Если социальная структура описывает скорее “анатомию” общества, то трансформационная — его “физиологию”, способ функционирования и развития. Отражая *системное* качество общества, особо значимое в периоды крутых перемен, а именно: его дееспособность как субъекта самореформирования и саморазвития, — она включает не только активные, но и пассивные группы. “Эффективность этой структуры определяется соотношением социальных сил, способствующих либо углублению и закреплению либерально-демократических преобразований, либо сохранению и возрождению институтов советского типа, либо расшатыванию институциональной системы как таковой” [Заславская, 2004: с. 208]. Меру этого качества Т.И. Заславская называет *инновационно-реформаторским потенциалом общества* [2002: с. 519–520; 2004: с. 208].

Удачным представляется разработанный Т.И.Заславской подход к выделению конкретных *элементов* трансформационной структуры посткоммунистических обществ. В ее концепции эта структура имеет две важные проекции, которые отражают разные подходы к идентификации коллективных макроакторов трансформации. В рамках *вертикального (социально-иерархического)* подхода в качестве таковых рассматриваются социальные слои и группы общества с разным ресурсным потенциалом (культурно-политические различия внутри каждого иерархического слоя игнорируются). *Горизонтальный* подход, напротив, акцентирует внимание на *культурно-политической* дифференциации социальных акторов (различиях в культуре, убеждениях, интересах, установках и направленности социальных действий), абстрагируясь от их места на иерархической шкале статусов. В современной России горизонтальная проекция трансформационной структуры включает: государственнические, олигархические, либерально-демократические, социал-демократические, национал-патриотические и криминальные (противоправные квазиполитические) силы. Заметную роль играют и *внеполитические* силы, вбирающие почти половину населения [Заславская, 2002: с. 523–538; 2004: с. 346–350]. Пересечение вертикальной и горизонтальной проекций позволяет выделить основные элементы трансформационной структуры. В качестве таковых рассматриваются общности, обладающие как сходным социальным статусом, так и близкими социаль-

но-политическими и культурными характеристиками. Объединение таких общностей “по горизонтали” дает социальные слои, а “по вертикали” — основные культурно-политические силы, различающиеся мощностью ресурсного потенциала, социальной укорененностью и сплоченностью. Такой подход к идентификации реальных макроакторов современного трансформационного процесса представляется продуктивным, поскольку позволяет оценить и прочность социальной базы основных общественных сил, и возможности их консолидации друг с другом, и характер и масштабы ресурсов, которыми они располагают для достижения своих целей. Тем самым исследователи современного трансформационного процесса получают надежный методологический аппарат, с помощью которого можно более обоснованно судить о возможных и наиболее вероятных сценариях общественного развития на разных этапах трансформационного процесса.

Т.И.Заславская не просто выделяет основные культурно-политические силы, но, констатируя их фрагментарность и неустойчивость в современной России [Заславская, 2004: с. 311], объединяет их в две группы, потенциально могущие превратиться в конкурирующие за власть политические союзы. В основе деления — мера общности ценностно-деятельностных позиций по семи критериям (двум политическим, двум экономическим, а также по идеологическому, правовому и внешнеполитическому) [Заславская, 2004: с. 51]. В одну группу вошли государственнические, социал-демократические и коммуно-патриотические силы, а в другую — олигархические, либерально-демократические и криминальные. Чтобы оценить влияние разных культурно-политических сил и их потенциальных союзов на трансформацию российского общества, Т.И.Заславская дополняет горизонтальную проекцию трансформационной структуры вертикальной. С этой целью она выявляет социальную структуру сторонников тех или иных сил, что помогает понять степень их социальной укорененности (то есть ту глубину, на которую соответствующие идеи и интересы проникают в массовые слои). Кроме того, она пытается сравнить их по примерному масштабу находящихся в их распоряжении ресурсов.

Поскольку культурно-политические силы России пока довольно расплывчаты, границы между ними не всегда ясны, то любые попытки количественной оценки имеющихся в их распоряжении ресурсов безнадежны. Поэтому Т.И.Заславская определяет примерное соотношение этих сил на основе качественной оценки их ресурсов по 4-балльной шкале (0 баллов — отсутствие или ничтожный объем, 1 балл — ограниченный, 2 балла — значительный, а 3 балла — очень большой объем соответствующего ресурса у данной силы) и последующей корректировки результатов с учетом весов различных ресурсов в российском социальном контексте (3 — политические ресурсы, 2,5 — экономические, 2 — административные, 2 силовые, 1,5 — культурные, 1 — социальные).

В результате анализируемые культурно-политические силы были разделены на *ведущие*, т.е. оказывающие наиболее мощное влияние на трансформационный процесс (государственнические и олигархические), *второстепенные*, но политически значимые (криминальные), а также *периферийные* (коммуно-патриотические) и *наиболее слабые* (либерально-демократические и социал-демократические) [Заславская, 2004: с. 392]. Учитывая состав и соотношение культурно-политических сил в России Т.И.Заславская более 10 лет назад (2003) делает вывод о наиболее вероятной ре-

лизации *умеренно-государственного* варианта развития [Заславская, 2004: с. 392–398], что собственно и подтверждается сегодня.

К проблеме актора: о новом поколении деловых людей как потенциальной модернизационной общности

В последние 10 лет Т.И.Заславская активно работала в рамках своей деятельностно-структурной концепции над проблемой *акторов* трансформационного процесса. Ее особо интересовали группы, реализующие (в терминах типологии трансформационного поведения) *достижительные стратегии конструктивного типа*, то есть стратегии, выполняющие позитивные функции как по отношению с самим актором, так и по отношению к обществу. Таких акторов можно обнаружить в разных социальных группах, в том числе и в *деловом* сообществе. Но преуспевающие высокостатусные экономические акторы, в принципе, мало доступны для широкомасштабных эмпирических исследований. Уникальную возможность изучения этой группы дали опросы слушателей программ MBA — в нашем случае в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ (ныне РАНХиГС при Президенте РФ) — лидере бизнес-образования в России. Под руководством Т.И.Заславской были проведены четыре волны исследований (с периодичностью 1 раз в два года): 2004-й — 1016 чел., 2006-й — 1445 чел., 2008-й (октябрь–декабрь) — 1279 чел., 2010-й (октябрь–декабрь) — 1104 чел. Полученные результаты многообразны и по большей части нашли отражение в научных публикациях (см. напр.: [Заславская, Шабанова, 2012а, 2012б; Заславская, 2011; Заславская, Крылатых, Шабанова, 2007; Заславская, 2006; Заславская, 2005а]). Мониторинг позволяет отслеживать сдвиги в установках и моделях поведения разных групп преуспевающих экономических акторов по мере увеличения их человеческого и социального капиталов, изменения институциональной среды и других факторов.

Эти акторы действительно использовали новые институциональные возможности для достижения делового успеха: реализации своих способностей, повышения образования и квалификации, восходящей трудовой и социальной мобильности, деловой активности, обогащения образа жизни и пр. Несмотря на относительную *молодость* (средний возраст — 34,4 года), эту общность отличает весьма солидный *стаж работы в бизнесе* (в среднем — 9,8 лет), *относительно высокие профессионально-должностной и социально-экономической статусы*, весьма высокая самооценка и удовлетворенность достигнутыми статусными позициями. Так, 50–60% респондентов в разных волнах составляли генеральные директора, директора, их заместители, руководители филиалов, прочие топ-менеджеры, 31–39% — руководители подразделений, функциональные менеджеры. По совокупности признаков основная часть относится либо к весьма малочисленному *ядру* среднего класса (5% из 20%, по данным НИСП), либо позиционируется выше него. Не случайно более половины респондентов (55%) отнесли себя к среднему слою, а 39% — к социальным слоям *выше* среднего. Благодаря своей деловой активности они достигли такого статусного положения и уровня реализации способностей, которые их вполне удовлетворяют. Большинству (68–77%) удается весьма успешно конвертировать свой человеческий потенциал в другие значимые ресурсы (статусно-должностные, доходные).

Они непрерывно наращивают человеческий капитал, в том числе и за счет обращения к ресурсам бизнес-образования, которое рассматривают как источник дальнейшего делового успеха (все слушатели МВА (0,69% в последние 5 лет) повышали квалификацию, в том числе 21% — за рубежом).

В то же время функции этих акторов по отношению к *экономике* и *обществу* также весьма конструктивны. В крайне проблемной российской институциональной среде они демонстрируют весьма высокий *инновационно-деятельностный потенциал*: основная часть респондентов (82%) в последние 2–3 года имели те или иные *инновационно-рыночные достижения* (60% удалось осуществить те или иные *инновации*, 56% — те или иные *рыночные продвижения*). Однако на макроуровне до поры до времени положительный кумулятивный эффект спонтанной активности этих и других продвинутых акторов, реализующих свои интересы в рамках доступных ресурсов и ограничений, может и не ощущаться. Сказывается как слабость бизнес-объединений и союзов, не позволяющая экономическим акторам выходить за пределы своих социальных позиций и отстаивать свои интересы на макроуровне (“асоциальный синдром”), так и недостаточная численность этой группы. Но можно ли ее увеличить?

Как показывает мониторинг, увеличение этой группы существенно сдерживается, в первую очередь, неблагоприятным институционально-правовым климатом в бизнесе, который не может переломить ни та или иная из благоприятных тенденций в рамках продвинутого делового сообщества сама по себе, ни все они вместе взятые (спонтанное развитие более цивилизованных деловых практик, рост роли деловой репутации, неформальных деловых сетей и связей, повышение общего уровня профессионализма делового сообщества и др.). В российской институциональной среде продвинутые экономические акторы реализуют свою *конструктивную* функцию, как правило, *вопреки* механизмам торможения со стороны *властей* разных уровней, а не *благодаря* “способствующей политике” с их стороны. При этом в *инновационном* отношении они весьма *неоднородны*. Одни достигают делового успеха без особых инноваций, другие, напротив, — на их основе; для одних инновации — вынужденная необходимость, для других — самостоятельная ценность (“инновации как страсть”, “как иррациональный вкус к жизни”), которую они стремятся реализовать, как только появляется возможность. Чем больше инновационно-рыночных продвижений, тем чаще экономические акторы включают неформальные связи с чиновниками в факторы успеха компаний, что указывает на сильное присутствие чиновников в экономической сфере. Причем взаимовыгодные отношения с чиновниками чаще сопряжены не с возрастанием, а с дальнейшим снижением и без того низкого уровня доверия бизнеса к власти, что существенно сдерживает развитие инновационных деловых стратегий, усиливает установки продвинутой части делового сообщества на миграцию из России.

В движущие силы модернизации экономики и общества успешные экономические акторы, наряду с продвинутым бизнесом и профессионалами, в большом числе случаев (56%) включают также и *власть*, но она должна стать более правовой и способствовать институциональной (а не точечной) модернизации. И здесь опять-таки встает вопрос о *механизмах*, способных подтолкнуть власть к действиям в этом направлении. В любом случае успешность трансформации зависит от усилий акторов *всех типов*, и именно

во взаимосвязанном осмыслении институциональных, социоструктурных и субъектно-деятельностных аспектов трансформационных процессов видится главное назначение разработанной Т.И.Заславской концепции применительно к оценке тех или иных акторов как потенциальных модернизационных общностей.

* * *

Все сказанное выше далеко не исчерпывает вклада Т.И.Заславской в познание посткоммунистических трансформаций. Скорее, это только начало разговора. Еще больше потребуется времени на то, чтобы во всей полноте осознать ее вклад в развитие других направлений социологии, а также в социальную экономику. Но, подводя “неокончательные итоги” о вкладе Т.И. Заславской в познание посткоммунистических трансформаций с помощью механизменной методологии, акцентирую два обстоятельства. *Первое* состоит в том, что категория “*социальный механизм трансформационных процессов*” не только выполняет ряд важных *методологических* функций (обеспечивает *целостное видение* трансформационного процесса, позволяет выявить “белые пятна” и нестыковки в *изучении* трансформационных процессов, сформулировать новые задачи; стимулирует дальнейшие исследования трансформационных процессов, в том числе междисциплинарные; помогает придать более системный и целенаправленный характер международным сравнениям трансформационных процессов) [Заславская, 2004: с. 212]. Понимание устройства сложного социального механизма имеет, кроме того, важное *практическое* значение, помогая реформаторам воплощать их замыслы, избегать регулярно повторяющейся закономерности, точно подмеченной в известном афоризме В.С.Черномырдина: “Хотели как лучше, а получилось, как *всегда*” [Заславская, 2004: с. 188–189]. Перспективность категории *социальный механизм*, развиваемой Т.И.Заславской, подтверждается тем, что сегодня она используется широким кругом обществоведов, причем в последние годы стала одним из базовых элементов методологии не только НЭСШ, но и ряда других социологических школ [Соколова, 2001; Якуба, 1998].

Второе. Сравнивая концепцию Т.И. Заславской с другой известной концепцией, где также осмысливаются *механизмы* общественных изменений, — концепцией “социального становления” П. Штомпки, наряду с общими чертами (органической *узвязкой макро- и микроуровней* социальной реальности; обоснованием их относительной *автономности*, выявлением механизмов и потенциала независимости одного уровня от другого; рассмотрением *двух способов существования разных уровней социальной реальности* — в потенциальной возможности и в действительности; обоснованием *вероятностного характера* социальных изменений) необходимо указать и на одно принципиальное отличие. В концепции П.Штомпки субъекты выступают неким *однородным* уровнем социальной реальности. Между тем в действительности разные субъекты обладают разным объемом ресурсов (экономических, политических, административных, силовых, культурных, социальных и др.). У разных субъектов разные интересы, потенциальные возможности и реализуемые модели действий. Следовательно, *разной* будет и их реальная роль в современном трансформационном процессе. Именно это учитывает концепция трансформационного процесса Т.И.Заславской.

На сегодня не все положения концепции удалось эмпирически проверить в ходе крупномасштабных исследований. Такая задача непосильна одному исследователю. В условиях недостатка данных Т.И.Заславская пыталась решать исследовательские задачи, обобщая результаты многочисленных исследований, опираясь на собственный опыт и экспертные оценки. Это давало ей возможность верно улавливать наиболее вероятные варианты трансформационного процесса в России. Однако с учетом новых условий и новых процессов ждут своего часа репрезентативные исследования элементов и связей трансформационной структуры общества, соотношения между разными типами трансформационной активности и пр. Концепция Т.И.Заславской, будучи привязанной к объяснению закономерностей *реальных* общественных изменений, вооружает будущих исследователей действенными и актуальными теоретико-методологическими средствами для дальнейших исследовательских поисков и продвижений.

Источники

Заславская Т.И. Авангард российского делового сообщества: гендерный аспект / Т.И. Заславская // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26–37; № 5. — С. 3–14.

Заславская Т.И. Избранное / Заславская Т.И. — М.: Экономика, 2007. Т. 2: Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. — 2007.

Заславская Т.И. Изучение механизмов социальных процессов (1981–1985) / Т.И. Заславская // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. — Новосибирск: Наука, 1999а. — С. 71–89.

Заславская Т.И. Инновационно-реформаторский потенциал России / Т.И. Заславская // Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества. — М.: 2001. — С. 18–31.

Заславская Т.И. К вопросу о “среднем классе” российского общества / Т.И. Заславская, Р.Г. Громова // Мир России. — 1998. — С. 3–22.

Заславская Т.И. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Мир России. — 2002. — № 2. — С. 3–38.

Заславская Т.И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Социологические исследования. — 2002а. — № 6. — С. 3–17.

Заславская Т.И. Новое поколение акторов российской экономики: проблемы социального качества / Т.И. Заславская // Общество и экономика. — 2005а. — С. 139–164.

Заславская Т.И. Новое поколение деловых людей России / Заславская Т.И., Крылатых Э.Н., Шабанова М.А. — М.: Дело, 2007.

Заславская Т.И. “Новосибирский манифест” (1983 г.). О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии (Впервые издан с грифом “Для служебного пользования”. Полный текст опубликован в кн.: A Voice of Reform. Essays by Tatiana Zaslavskaya / ed. M. Yanovitch, M.E. Sharp. — N. Y.; L., 1989. — P. 158–184. Краткое изложение — в журнале “Знание — сила”. — 1985. — № 3.)

Заславская Т.И. О бизнес-слое российского общества / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 1995. — № 3. — С. 17–32.

Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России / Т.И. Заславская // Социологические исследования. — 2002а. — № 8. — С. 3–16.

Заславская Т.И. О социальном механизме развития экономики / Т.И. Заславская // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики / под ред. Р.В. Рывкиной. — Новосибирск : ИЭиОПП СО АН СССР, 1985. — С. 8–28.

Заславская Т.И. О социально-трансформационной структуре общества / Т.И. Заславская // Общество и экономика. — 1998. — № 3–4. — С. 3–22.

Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2011. — № 3. — С. 13–25.

Заславская Т.И. Поведение массовых общественных групп как фактор трансформации общества / Т.И. Заславская // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2000. — № 6. — С. 13–19.

Заславская Т.И. Распространение и институционализация неправовых практик в сфере труда и занятости / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы : [колл. моногр.]. — Новосибирск : Наука, 2003а. — С. 165–193 ; 384–386.

Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / Заславская Т.И. — М. : 1997.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Заславская Т.И. — М. : Дело, 2004.

Заславская Т.И. Социальные механизмы институционализации неправовых социальных практик / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы : [колл. моногр.]. — Новосибирск : Наука, 2003. — С. 153–164.

Заславская Т.И. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5. — С. 5–24.

Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества / Т.И. Заславская // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 5–21.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция / Заславская Т.И. — М. : Дело, 2002.

Заславская Т.И. Социология экономической жизни. Очерки теории / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1991.

Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры / [редкол. : Я.И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др.]. — М. : ГУ ВШЭ, 2004. — С. 208–261.

Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект / Т.И. Заславская // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. — Новосибирск : Наука, 1999. — С. 149–167.

Заславская Т.И. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. *Статья 1.* Социальные особенности и взаимодействия в проблемной институциональной среде / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2012. — № 4. — С. 5–23.

Заславская Т.И. Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. *Статья 2.* Инновационный потенциал и проблемы его реализации / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // Общественные науки и современность. — 2012. — № 5. — С. 5–24.

Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. — 2005. — № 3. — С. 5–16 ; № 4. — С. 13–25.

Полтерович В.М. Демократизация и экономический рост / В.М. Полтерович, В.В. Попов // Общественные науки и современность. — 2007. — № 2. — С. 13–27.

- Соколова Г.Н.* Экономическая социология / Соколова Г.Н. — Минск, 2001.
- Якуба Е.А.* Социология / Якуба Е.А. — Харьков, 1998.
- Aakvaag G.C.* Social mechanisms and grand theories of Modernity — worlds apart? / G.C. Aakvaag // *Acta Sociologica*. — 2013. — Vol. 56, № 3. — P. 199–212.
- Anderson P.J.J.* Understanding mechanisms in organizational research: Reflections from a collective journey / [P.J.J. Anderson, R. Blatt, M.K. Christianson, A.M. Grant, C. Marquis, E.J. Neuman, S. Sonenshein, K.M. Sutcliffe] // *Journal of Management Inquiry*. — 2006. — Vol. 15, № 2. — P. 102–113.
- Gross N.* A pragmatist theory of social mechanisms / N. Gross // *American Sociological Review*. — 2009. — Vol. 74, № 3. — P. 358–379.
- Hedstrom P.* Causal mechanisms in the social sciences / P. Hedstrom, P. Ylikoski // *Annual Review of Sociology*. — 2010. — Vol. 36. — P. 49–67.
- Hedstrom P.* Social mechanisms / P. Hedstrom, R. Swedberg // *Acta Sociologica*. — 1996. — Vol. 39, № 3. — P. 281–308.
- Kaidesoja T.* Overcoming the Biases of Microfoundationalism: Social Mechanisms and Collective Agents / T. Kaidesoja // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2013. — Vol. 43, № 3. — P. 301–322.
- Mahoney J.* Beyond correlational analysis: Recent innovations in theory and method / J. Mahoney // *Sociological Forum*. — 2001. — Vol. 16, № 3. — P. 575–593.
- Mason K.* Causal social mechanisms; from the what to the why / K. Mason, G. Easton, P. Lenney // *Industrial Marketing Management*. — 2013. — Vol. 42, № 3. — P. 347–355.
- Mayntz R.* Mechanisms in the analysis of social macro-phenomena / R. Mayntz // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2004. — Vol. 34, № 2. — P. 237–259.
- Sawyer R.K.* The mechanisms of emergence / R.K. Sawyer // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2004. — Vol. 34, № 2. — P. 260–282.
- Steel D.* Social Mechanisms and Causal Inference / D. Steel // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2004. — Vol. 34, № 1. — P. 55–78.
- Weber E.* Social mechanisms, causal inference, and the policy relevance of social science / E. Weber // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2007. — Vol. 37, № 3. — P. 348–359.
- Zaslavskaya T.* A Voice of Reform / Zaslavskaya T.; ed. M. Yanovitch, M.E. Sharp. — N. Y.; L., 1989. — P. 158–184.